

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 930.1

О.Д. Попова

МАТЕРИАЛЫ РЕВИЗИЙ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ИХ РОЛЬ В ПРОЧТЕНИИ МЕМУАРОВ СЕМИНАРИСТОВ¹

В статье рассматриваются материалы ревизий духовно-учебных заведений, которые регулярно проводились чиновниками Святейшего правительствующего синода, как исторический источник. Анализируются отчеты ревизоров и тексты мемуаров бывших воспитанников духовных семинарий. Отчет ревизора был обязательной бумагой после ревизии. Исследование позволило выявить специфику данного документа: структуру, информативность и методы работы с ним. Показана важность отчета для понимания текста мемуаров семинаристов. Сравнительный анализ текстов ревизоров и текстов мемуаров дает возможность преодолеть субъективность обоих документов. Отчеты ревизоров помогают уточнить отдельные детали и факты, а также понять мотивы написания авторами своих воспоминаний. В статье демонстрируется связь проблем духовных семинарий, которые находили отражение как в отчетах ревизоров, так и в мемуарах бывших воспитанников. Автор приходит к заключению, что последним память «подсказывала» наиболее актуальные картины их жизни в семинарской «бурсе», многие мемуаристы критиковали существующие порядки в духовных семинариях. Недовольство своей жизнью обусловило отрицательное отношение бывших воспитанников к семинарскому образованию.

духовные семинарии, достоверность источников, отчеты ревизий, повседневная жизнь, реформа духовного образования.

Одной из важнейших проблем изучения истории духовно-учебных заведений является осознание причин кризиса духовной школы начала XX века. Формы понимания этого кризиса общественной мыслью были различны. Активные дискуссии велись на страницах периодики. За перо взялись бывшие семинаристы, многие из них через призму своих юношеских воспоминаний пытались высказать свой взгляд на пути реформирования духовных семинарий в начале XX века. Сегодня мемуары семинаристов – важный источник по истории повседневности, а также по истории общественной мысли. Специфика данных документов состоит в том, что каждый автор актуализировал свое видение под влиянием времени и эпохи. Чтобы глубже понять посыл авторов написания того или иного текста, представляется важным анализировать данные документы, не просто выявляя достоверность помещенных в них сведений, а рассмотреть мемуары в системе управленческого механизма духовными семинариями со стороны Учебного комитета Святейшего правительствующего синода (далее – Синод). Такой подход даст возможность сопоставить личный взгляд автора мемуаров на ту или иную сторону жизни духовной семинарии с официальной политикой Синода в этом же вопросе. Все это позволит глубже понять тексты мемуаров именно с позиций дискуссий о путях развития духовной школы.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Мемуары воспитанников духовно-учебных заведений как отражение процесса трансформации ментальности духовенства на рубеже XIX–XX веков» № 16-01-00468/17-ОГОН.

Таким важным управленческим механизмом были ревизии духовно-учебных заведений, которые проводились чиновниками Синода. Ревизии подвергались все учебные заведения епархии: духовные училища, духовные семинарии и при наличии женские епархиальные училища. Регулярность проверок оценить очень сложно. Как свидетельствуют публикации на страницах «Церковно-общественного вестника», в первой половине XIX века ревизоры наезжали в семинарии очень редко. При этом их объективность была не велика. Проверяющий жил в квартире ректора семинарии, ему устраивали показательные уроки, очень часто такие визиты сопровождались приятными выездами на природу и роскошными обедами. Порой эти поездки совпадали с необходимостью навестить родственников или уладить какие-либо личные дела ². Ситуация изменилась ко второй половине XIX века. Ревизии были поручены специальным чиновникам Учебного комитета, который установил регулярность проверок – каждая епархия подвергалась ревизии раз в три года. Практически все учебные заведения были проверены в процессе перехода духовных семинарий на новый Устав 1867 года. Сам переход осуществлялся только после проверки учебного заведения ревизором. Поэтому большой массив ревизий сохранился на рубеже 60–70-х годов XIX века. После этого этапа трехлетний период не всегда соблюдался. В одни епархии ревизоры наведывались с завидной регулярностью, в другие приезжали гораздо реже. Например, в период с 1882 по 1887 год дважды были проверены духовные семинарии Костромской, Черниговской, Подольской, Смоленской, Новгородской епархий. А вот в Самарскую, Саратовскую, Владимирскую, Вятскую, Владимирскую епархий ревизор приезжал за указанный период всего по разу. Насколько это связано с состоянием дорог и самих учебных заведений, сказать очень сложно. Обязательно назначалась ревизия в случае волнений и бунта семинаристов, если последние доходили до Синода. Следовательно, порой в распоряжении исследователя могут оказаться документы с периодичностью 3–5 лет, а могут и с разницей в один год. С ростом протестных движений визиты ревизоров происходили чаще, в начале XX века такой массив документов сохранился в очень большом объеме.

По результатам проверки ревизор составлял отчет по особой форме. Рассмотрим структуру этого документа. Начинался отчет с общих сведений об учебном заведении, кратко сообщалась его история, отмечалось количество воспитанников. Как правило, отчет начинался с краткой справки о самом учебном заведении. Здесь можно было прочитать весьма интересные сведения о помещении учебного заведения. Например, в 1911 году ревизор надворный статский советник Белявский так описывал здание Рязанской духовной семинарии: «На обширной семинарской усадьбе, заключающей свыше четырех десятин земли, помещается три главных каменных здания, соединенных теплыми коридорами: классный двухэтажный с мезонином корпус, имеющий форму буквы “п”, спальня двухэтажный корпус, такой же распложенный формой буквы “п” и семинарский храм» ³. А вот здание Вятской духовной семинарии этот ревизор в 1914 году оценил иначе: «Вятская духовная семинария расположена за городом в верстах двух от населенных улиц, в сырой местности. В семинарии обучается 427 человек» ⁴.

Очень подробным был раздел, посвященный преподавательскому составу. Ревизор давал характеристику каждому преподавателю, при этом указывались сведения об образовании, стаже работы в этом учебном заведении. Отчеты свидетельствуют, что ревизор присутствовал на уроках всех учителей, оставляя довольно подробное описание методики преподавания каждого. Типичной для многих отчетов ревизий была, например, оценка деятельности преподавателя Костромской семинарии: «Догматическое и нравственное богословие. Орефатинский (Иван). Преподавание ведется согласно указаниям объяснительной записки по этим предметам. Преподает учитель авторитетно и слова его имеют убедительно, говорит он ясно и отчетливо и просто, а постоянное его обращение к Св. Писанию предает его изложению абсолютную твердость» ⁵. Здесь же указывался и стаж работы.

Важным разделом любого отчета было описание состояния библиотеки семинарии и организации внеклассного чтения. Как правило, ревизор отмечал состояние помещения библиотеки, количество книг в ученической и фундаментальной библиотеках, их состав. Например, типичной является запись, сделанная в отчете ревизии Одесской духовной семинарии за 1873 год: «В фундаментальной библиотеке 1 725 наименований и в течение 1869–72 годов поступило 250

² Духовные семинарии и училища // Церковно-общественный вестник. 1875. № 7. 15 янв. С. 1.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 10. 1911. Д. 1023. Л. 3.

⁴ Там же. Оп. 11. 1914. Д. 62. Л. 2.

⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1883. Д. 15. Л. 31.

наименований. Приобретенные книги в основном являются учебными пособиями. В ученической библиотеке числится всего 588 названий книг, она медленно пополняется за счет скудного добровольного денежного сбора с учеников»⁶.

Отдельным разделом являлась «Воспитательная часть». Однако в основном ревизора интересовала не система формирования определенных духовных ценностей, а соблюдение семинаристами дисциплины и выполнение христианских обязанностей. Типичным для многих отчетов была запись, сделанная ревизором после обзора Полтавской семинарии: «Поведение учеников оценено как удовлетворительное. Они почтительны, трудолюбивы, проявляют интерес к умственному труду, проступки составляют единичные явления. Имеющиеся случаи проступков фиксируются, и виновные наказываются»⁷. Исходя из кондуитной книги, ревизор отмечал следующие проступки: отлучка из квартиры без спроса, занятия ночью, сон в неположенное время, курение табака, игра в карты, опоздание на уроки и на службу в церковь, пропуски уроков и службы.

Обязательно и подробно отмечались ревизором факты нарушения дисциплины, особенно если они выходили за традиционные рамки. Так, например, в отчете о ревизии Костромской семинарии особое внимание уделялось размаху пьянства среди семинаристов: «Воспитательная часть в Костромской семинарии могла бы быть признана удовлетворительной, если бы не развившаяся в последнее время между учащимися нетрезвость, которая стала оборачиваться довольно частыми случаями и в разных формах»⁸. При этом ревизор не только констатировал сей печальный факт, но приводил конкретные примеры из кондуитной книги: «Так, 20 декабря 1882 года ученик 6 класса во время вечерних занятий перед ужином при переходе из одного отделения в другое ушел самовольно куда-то и возвратился в епархиальное общежитие в безобразно-пьяном и буйном состоянии. В это же время также в пьяном состоянии вернулся еще один ученик»⁹.

Гораздо реже в таких отчетах уделялось внимание различным методам внеклассной работы: эстетическому и физическому развитию учащихся. В качестве исключения можно привести интересные сведения о занятиях физкультурой, которые были отражены в уже упоминавшемся отчете о ревизии Одесской духовной семинарии. Ревизор составил на целую страницу рассказ о спортивном зале с описанием гимнастических снарядов и системой проведения уроков гимнастики¹⁰.

Еще одним обязательным разделом была «Хозяйственная часть». Здесь отражалось состояние учебного здания, спален, учебных классов, уровень гигиенического состояния учебного заведения. В этом разделе можно прочитать очень разнообразную палитру картинок о быте семинарской бурсы. Например, вот так представлял ревизор состояние помещения Одесской духовной семинарии в 1873 году: «Классные комнаты для настоящего количества учеников довольно просторные, за исключением первого класса, в котором было очень жарко от тесноты. Прочие помещения, как спальни, столовая, удобны. Коридор в нижнем этаже между классами и в верхнем этаже между спальнями слишком узок, так что учащимся нельзя ходить по нему по двое в ряд, темен и без всякой вентиляции. Двор при доме очень тесен и неудобен для игры живущих в общежитии»¹¹.

В то же время ревизор, проводивший ревизию Воронежской семинарии, оценив достаточно положительно состояние питания воспитанников, содержание спален, одежду обучающихся, одновременно восклицал: «Ретирады – верх безобразия! При первом входе в семинарию посетителя обдает жутким зловонием, которое проникает везде. Кроме того ретирады вредят зданию»¹².

Таким образом, отчеты ревизора – это документ, который писался по определенной схеме и содержал стандартизированную информацию. Какую роль эти материалы могут сыграть для прочтения мемуаров семинаристов?

Большое значение они имеют для анализа источников личного происхождения. Поскольку мемуары – субъективный источник и порой «страдают склерозом», то для выявления ошибок их

⁶ Там же. Оп. 9. 1873. Д. 62. Л. 44.

⁷ Там же. Д. 87. 1876. Л. 87.

⁸ Там же. 1883. Д. 15. Л. 43.

⁹ Там же. Л. 43 об.

¹⁰ Там же. Оп. 9. 1873. Д. 62. Л. 56.

¹¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1873. Д. 62. Л. 84.

¹² Там же. 1878. Д. 41. Л. 53.

автора, для уточнения ряда сведений, а также для понимания позиции писавшего необходимо привлекать различные официальные документы: отчеты учебного заведения, материалы ревизий.

Так, например, отличным дополнением к воспоминаниям Ю.А. Галабутского, который описывает свою учебу в Одесском духовном училище и духовной семинарии с 1873 по 1881 год¹³, являются отчеты ревизора за 1873 и 1878 годы.

Однако сложность работы с материалами ревизий состоит в том, что не всегда визиты ревизоров точно совпадают с годами, описываемыми в сохранившихся мемуарах семинаристов. Например, по истории Воронежской духовной семинарии сохранилось два таких документа. Первый предположительно принадлежит Александру Петровичу Сердобольскому, который описывает свою учебу в семинарии с 1859 по 1865 год¹⁴. Второй написан Павлом Владимировичем Цезаревским. Документ отражает его учебу в семинарии в 1865–1871 годах¹⁵. А вот ревизии Воронежской духовной семинарии проводились в 1878 и 1879 годах. Первая ревизия была плановая, штатная, а вторая проводилась в связи с возникшими беспорядками.

При этом следует отметить, что исследователю, прежде чем воспользоваться материалами ревизий для работы с воспоминаниями, необходимо порой преодолеть ряд сложностей по установлению места и времени действия в конкретных текстах. Так, например, в опубликованных воспоминаниях анонимного автора о Костромской духовной семинарии четко называется место действия – Кострома, но автор не указывает период, когда он учился в этом учебном заведении¹⁶. Поэтому, прежде чем искать соответствующие этим годам материалы ревизий, необходимо установить хронологические рамки мемуаров. В этом случае отправной точкой поиска стало упоминание в тексте последних фамилии политического ссыльного П.Г. Заичневского – известного революционера-народника. Его биография указывает, что в 1880 году он был отправлен в Кострому, в которой жил до 1886 года¹⁷. Следовательно, этот факт предполагает поиск материалов ревизий за этот же период. В фондах Учебного комитета сохранились отчеты ревизора за 1883 и 1885 годы¹⁸. Следует отметить, что в отношении Костромы отчеты ревизора имеют особую роль, поскольку сам фонд Костромской духовной семинарии в Государственном архиве Костромской области сильно пострадал во время пожара 1982 года. В этой ситуации отчеты ревизора хоть как-то восполняют утрату.

А вот другой мемуарист – П. Борзаковский – автор мемуаров «В бурсе семинарии»¹⁹, наоборот, не указывает место действия учебы, называя его П-ская бурса, а город – П-ва. В этом случае надо было начать с определения самой семинарии. Сложность состояла еще в том, что весь преподавательский состав упоминался только по именам и отчествам без указания фамилии. Отправной точкой поиска стало описание вступительных экзаменов, на которые в семинарию в П-ву съехалось очень много молодежи. Поступающие расселились по окраинам города, и в тексте упоминается, что «арбузы и дыни на соседнем баштане отдавали чуть ли не даром»²⁰. Баштан – бахча, то есть поле, где выращивали арбузы и дыни – это указание на то, что речь идет о юге Российской империи. Среди южных городов, подходящих под написание «П-ва», где функционировала семинария, есть город Полтава. Дальнейшим шагом была проверка адрес-календарей за 70-е годы XIX века. Хронология определялась исходя из текста документа – одной из сюжетных линий воспоминаний – это ожидание ревизии и преобразование семинарии по уставу 1867 года. Работа с адрес-календарем Полтавской губернии за 1876 год позволила установить совпадение упоминаемых имен и отчеств учителей с указанием преподавательского состава семинарии в адрес-календаре. Следующий этап – обнаружение в фондах Синода отчета о ревизии духовно-учебных заведений Полтавской епархии за 1876 год. Таким образом, данный документ позволяет датировать мемуары Борзаковского именно 1876 годом.

¹³ Галабутский Ю.А. Из воспоминаний о духовной школе 70-х годов. Киев, 1902.

¹⁴ Воронежские епархиальные ведомости. 1899. № 16, ч. неофиц. С. 648–653, № 17, ч. неофиц. С. 683–702, № 19, ч. неофиц. С. 763–782; 1900. № 5, ч. неофиц. С. 195–210, № 6, ч. неофиц. С. 238–249, № 16, ч. неофиц. С. 685–697, № 17, ч. неофиц. С. 740–751.

¹⁵ Звонарь. 1906. № 1, апр. С. 247–281, № 2/3, май/июнь. С. 272–294, № 4, июль. С. 243–262, № 5, авг. С. 253–262, № 6, сент. С. 268–286; 1907. № 7, июль. С. 48–69 (паг. 2-я), № 8, авг. С. 90–107.

¹⁶ Из воспоминаний о семинарии // Костромские епархиальные ведомости. 1906. № 21, ч. неофиц. С. 835–843.

¹⁷ Магнитский М. Годы и люди // Северная правда. 1965, 10 апр. С. 3; Бочков В. Заичневский в Костроме // Северная правда. 1960, 5 авг. С. 3.

¹⁸ РГИА Ф. 802. Оп. 9. 1883. Д. 15; 1885. Д. 13.

¹⁹ Борзаковский П. В бурсе семинарии (из воспоминаний). Киев, 1903.

²⁰ Там же. С. 7.

Безусловно, как было уже показано выше, отчеты ревизора важны для установления или подтверждения места или времени действия, описываемых в воспоминаниях. Особенно необходимы отчеты для расшифровки имен и фамилий преподавателей. Так, материалы ревизий позволили установить преподавательский состав, данный в мемуарах о Костромской семинарии. Упомянутый выше Иван Орефатинский преподавал в Костромской семинарии с 1880 года. Все эти сведения имеют большую ценность для установления кадрового состава семинарии, расшифровки фамилий преподавательского состава. В самом тексте фамилии учителей даны в сокращенном варианте, например И.Ф. О-ский. Эти сведения позволяют также уточнить хронологические рамки описываемых событий и место действия. Упоминание в тексте мемуаров о Костромской духовной семинарии преподавателя Орефатинского позволяет подтвердить хронологические рамки описываемых событий – начало 80-х годов XIX века. Однако следует учитывать, что сведения о преподавательском составе – очень подвижная часть, поскольку текучесть кадров в духовных семинариях была очень велика. И здесь будет большой удачей исследователя, если удастся найти отчет о ревизии, совпадающий по датам с хронологическими рамками мемуаров.

При этом сопоставление текста мемуаров и текста отчетов ревизий позволяет получить более полный взгляд на преподавательский состав. Например, мемуары Ю.А. Галабутского дают довольно интересные портреты преподавателей семинарии. Среди прочих очень ярким является описание деятельности учителя греческого языка «Ник. Ив. Бр-ова», который «был грозой семинарии и предметом общей, единодушной ненависти»²¹. Как пишет Ю.А. Галабутский, «грамматику у него не учили, а просто ели, зазубривая не на живот, а на смерть всякие исключения, неправильные глаголы, союзы и прочее. Строг он был до крайности: высшим баллом у него была тройка, которую имели, однако, всего три-четыре человека в классе, остальные – двойки и единицы, “единицы с небольшим”, как выражался Ник. Ив., т.е. $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, нули»²². В итоге, к общему удовольствию, преподавателя греческого языка удалось перевести в другое учебное заведение. Как заметил автор мемуаров, семинаристы отметили это радостное событие установкой в роще во время прогулки символической каменной плиты по типу надмогильного памятника с эпитафией на греческом языке. Во время прогулки была убита маленькая змея, которую посылкой отправили на место новой службы вредного преподавателя. Документы ревизии 1878 года позволяют установить, что это был Николай Иванович Брондеров. На его суровость в отношениях с учениками обратил внимание даже ревизор. Он констатировал высокий профессионализм и рвение этого педагога, но при этом заметил, что Брондерову, может быть, благоразумнее было бы относиться менее требовательно к ученикам, а также отметил, что оценки ответов учеников слишком строги²³.

Другие разделы отчета не так привязаны к хронологии, поскольку жизнь семинарии шла довольно медленно и изменения в ней были не часты. Поэтому они могут быть ценными для прочтения текстов мемуаров, даже если нет точного совпадения в датах и наличествует разница в 2–4 года.

Некоторые разделы ревизии позволяют помочь глубже осмыслить причины описываемых явлений в тексте мемуаров. Например, в воспоминаниях о Костромской духовной семинарии одним из центральных сюжетов является общение семинаристов с политическими ссыльными, у которых мальчики брали литературу для чтения. Сам автор текста объясняет это так: «Ученики духовной школы, как и всякие дети, оставив родительский кров и в нем теснейшее общение со старшими, не могут не чувствовать недостатка в этом общении в школе, наполовину закрытой»²⁴. Более глубоко осознать данный факт позволяют материалы ревизий. Так, например, в отчете ревизора за 1883 год указывалось, что после того, как в 1879 году в семинарии среди учащихся был случай появления подпольного журнала «Вперед», инспекция приняла меры, чтобы воспитанники не брали книги со стороны, без ведома семинарского начальства. Он же отмечал, что «запас книг в библиотеке достаточен, но учащимся не нравится, что выбор книг в ней сделан со строгим разбором и из числа книг исключены журналы»²⁵. Материалы ревизии, бывшей в 1891 году, косвенно подтверждают наличие такой подпольной библиотеки. В 1890 году у семинариста Подора Прозорова была изъята тетрабочка с перечнем книг, возможно как раз каталог такой библиотеки. В перечне были разделы, где находились книги наиболее популярных в то время писателей: Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского. Отдельными разделами были

²¹ Галабутский Ю.А. Из воспоминаний о духовной школе 70-х годов. С. 21.

²² Там же. С. 22.

²³ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1878. Д. 41. Л. 55 об., 62.

²⁴ Из воспоминаний о семинарии // Костромские епархиальные ведомости. 1906. № 21, ч. неофиц. С. 840.

²⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1883. Д. 15. Л. 41.

подборки книг под названием «Община», «Фабричный быт», «Кустарная промышленность» и др.
26

При прочтении мемуаров интересно сопоставить взгляд авторов текста с официальной позицией чиновника Учебного комитета на одни и те же вопросы. Так, например, в воспоминаниях бывших семинаристов Воронежской духовной семинарии буквально в унисон звучали стенания о полуголодном существовании обучающихся. Как отмечают оба автора, порции еды были чрезвычайно малы, а качество еды порой было очень низким. «Кажется, что возраст в 15–17 лет самый *прожорливый* возраст; а между тем нам, словесникам, бывшим в таком возрасте, попадало наименее питательных веществ. Вопрос тут не в роскоши, а именно – в достаточном количестве питательных элементов, а их-то не доставало», – писал А.П. Сердобольский²⁷. П.В. Цезаревский при этом добавлял, что часто солонина в крошке была тухлая, а в квасе встречались посторонние примеси. Из-за этого в семинарии случались возмущения воспитанников, которые заканчивались с различным успехом: «Случалось, что после такого бунта, если уж действительно пища была такова, что есть было нельзя, раздавали всем по калачу, а случалось и так, что на другой день вожаки и наиболее выдавшие себя в “бунте” подавали миски за обедом или сидели в карцере»²⁸. В ходе плановой ревизии Воронежской духовной семинарии в 1878 году ревизор Миропольский писал: «хозяйственная часть семинарии вообще велась исправно, хотя мне приходилось слышать, что эконом будто неисправен и не чужд злоупотреблений, но заявления эти были голословные и фактических данных мне не было предоставлено»²⁹.

Как видим, описание одного и того же факта разнится. Представляется, что на такое отличие в оценках влияла и специфика сословного строя российского общества. Духовенство всегда рассматривалось как бедное сословие, которому предстоит работать в среде беднейшего крестьянства. Поэтому очень многие руководители епархий не стремились изыскивать необходимые средства для содержания семинаристов, руководствуясь соображениями, что будущим сельским пастырям не следует привыкать к роскошной и сытой жизни. Поэтому субъективные воспоминания воспитанников об условиях их жизни порой резко расходились с оценкой инспектирующих семинарию ревизоров, которые считали, что обеспечение учащихся едой и пищей достаточное.

Одновременно, безусловно, встают вопросы о достоверности источников и соотношении истинности сведений в разных документах. Субъективность источников личного происхождения – это факт уже признанный во многих классических трудах по источниковедению³⁰. Что же касается отчетов ревизоров о проведенной проверке, то анализ показывает, что если ревизия проводилась планомерно, то, как правило, выводы проверяющего были благоприятными, а все выявленные недостатки сводились к мелким недочетам. Мемуары П. Борзаковского очень наглядно свидетельствуют о том, что руководство семинарии знало о предстоящей ревизии и тщательно к ней готовилось. Бывший воспитанник отмечает, что к приезду в Полтавскую семинарию в 1876 году тщательно готовили все здание, заменили матрасы в спальнях, сапоги учащимся и даже отмыли туалеты и попытались уничтожить «все следы дум и вдохновений, украшавшие стены», кроме тех, которые были намертво вырезаны ножичком³¹.

Если же ревизия проводилась внепланово, например в результате волнений, то такой отчет рисовал уже не столь благоприятную картину. Ревизор указывал на многие недостатки, которые могли вызвать недовольство семинаристов. Так, в 1879 году в Воронеже, через год после плановой проверки 1878 года, была внеплановая. Поводом для нее послужили волнения семинаристов. Вот этот отчет уже указывал, что одной из причин беспорядков было недовольство воспитанников инспектором священником Ляборинским. А одним из катализаторов выступления была как раз дурно приготовленная пища. Учащиеся выразили недовольство тухлой рыбой в жарком, в щах обнаружались червяки, и было выявлено, что они от рыбы, на которой щи варились³². Слухи о непригодной пище семинаристов разошлись по городу, губернатор приказал провести

²⁶ Там же. 1891. Д. 26. Л. 11–43.

²⁷ С-к-й [Сердобольский А.П.] Из воспоминаний Воронежского семинариста 1859 до 1865 г. // Воронежские епархиальные ведомости. 1899. № 19, ч. неофиц. С. 779.

²⁸ Там же.

²⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1878. Д. 41. Л. 54.

³⁰ Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие для гуманитар. специальностей / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 634 ; Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика : учеб. пособие для студентов вузов / А.К. Соколов [и др.]. М., 2004. С. 289.

³¹ Борзаковский П. В бурсе семинарии ... С. 41.

³² РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1879. Д. 31. Л. 5.

проверку с участием врача, которая показала, что часть припасов совершенно непригодна к пище. Эконома заменили на нового, стол у семинаристов улучшился, но только временно.

Также весьма заметна разница в оценке деятельности Костромской духовной семинарии в отчетах ревизоров 1883 и 1885 годов. Ревизия 1885 года проводилась тайным советником Чистовичем, который сосредоточил основное внимание на недостатках учебного процесса. Хотя причина внеплановой проверки в данном случае из текста отчета не понятна. И если ревизор 1883 года оценивал ход учебного процесса весьма благоприятно, то в 1885 году Чистович указал на ряд недостатков. Например, «на класс гомилетики мне довелось слышать два проповеднических экспромта: но ни один из них не мог быть одобрен по совершенству несоответствия с понятиями простых деревенских жителей»³³. Также в этой ревизии указывалось на очень ограниченный круг чтения семинаристов: «Нужно сказать, что и по другим предметам ученики почти вовсе не читают книг, относящихся к этим предметам, и мало знакомы или вовсе не знакомы с лучшими писателями»³⁴. Это еще раз указывает на причину стремления воспитанников Костромской семинарии к общению с революционным элементом Костромы.

Ревизии, которые проводились на рубеже XIX–XX веков по результатам беспорядков в духовных семинариях, довольно детально излагают и сам ход волнений, и требования семинаристов. Также весьма интересными являются высказывания ревизоров о причинах протестных движений, возникших в тех или иных учебных заведениях. Безусловно, беспорядки семинаристов в начале XX века были объединены общей волной, и поэтому многие требования были схожи. Однако отчет ревизора позволяет увидеть специфику волнений именно в конкретных семинариях, понять, что стало катализатором того или иного бунта. Например, ревизор М.И. Савваитский, проводивший ревизию Рязанской духовной семинарии в 1901 году, пришел к выводу, что причина беспорядков – карательный характер внутренней жизни семинарии, а именно несогласованность в своих действиях ректора и инспектора семинарии. Ревизор характеризовал ректора протоиерея Смирнова как человека доброго и мягкого, но не вникающего в дела семинарии, который переложил все на плечи инспектора. А инспектор Перов, обремененный кучей обязанностей, «дело воспитания учеников ограничил заботами поддержания среди них внешнего порядка и дисциплины одними мерами строгости, нравственного воздействия на учеников он не имел»³⁵.

А материалы ревизии Костромской семинарии за 1908 год показывают, что в этом учебном заведении беспорядки возникли в ходе полицейского обыска, который проводился полицией по агентурным данным. В ходе проверки учащиеся остановили занятия и стали обсыпать насмешками полицейских и свою администрацию. Итог обыска – найдена корзина с нелегальной литературой³⁶.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что материалы ревизий, как и мемуары, несут в себе долю субъективности. Однако роль этих документов в прочтении и понимании текста воспоминаний очень большая. Естественно, материалы ревизий содержат часть сведений, которые обладают безусловной объективностью. Это, например, история учебного заведения, данные о преподавательском составе, составе учащихся. Некоторые сведения в отчетах носят оценочный характер, вот эта часть может быть субъективна, не всегда правдива. Однако сопоставление текста источников личного происхождения с материалами ревизий позволяет дополнить информацию из одного источника другим. И очень важно, что данные ревизий позволяют глубже осознать посыл написания авторами мемуаров о своей учебе в духовных семинариях. При прочтении мемуаров очень важно понять, зачем и для чего авторы воспоминаний брались за перо и что они хотели сказать читателю. В частности, анализ отчетов ревизий Костромской семинарии показывает, почему автор, получивший образование в Костромской семинарии, в качестве одного из центральных сюжетов своих мемуаров описал стремление семинаристов к чтению подпольной литературы и общению с политическими ссыльными.

В то же время отчеты ревизора свидетельствуют, что руководство учебных заведений сознательно продолжало поддерживать особый строй в духовных семинариях, сохраняя сословную замкнутость, не желая замечать стремления своих воспитанников. Поэтому представляется, что неслучайно в мемуарах П. Борзаковского нашло отражение описание реакции ректора на факт ухода воспитанников из семинарии после 4 курса с желанием поступить в светские учебные заведения. К первым пяти учащимся он отнесся добродушно-снисходительно, следующие пять озадачили его, третья партия совсем смутила отца-архиерея, а еще одна пятерка

³³ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1885. Д. 13. Л. 6.

³⁴ Там же. Л. 6 об.

³⁵ Там же. Оп. 10. 1901. Д. 66. Л. 6.

³⁶ Там же. 1905. Д. 41. Л. 42.

привела его в негодование и он пытался вразумить свое неразумное стадо: «Обдумали ли вы все, взвесили? Помните господа, после смерти нет покаяния, и назад примем только того, кто понимает до конца каникул...»³⁷. Руководство духовных семинарий не было готово к тому, что их воспитанники начнут выбирать другой путь, чем их отцы.

В этом же аспекте обращение к материалам ревизий позволяет понять и мнение П.В. Цезаревского, который в своих мемуарах не просто описывал свои годы учебы в Воронежской семинарии, но и пытался показать их как лучшее время для развития семинарского образования. Бывший семинарист выступал не только против Устава духовно-учебных заведений 1884 года, который был, как известно, одним из самых консервативных, но и против прогрессивной реформы 1870-х годов на основе семинарского устава 1867 года. Что не устраивало автора в этих преобразованиях? Отдавая предпочтение духовной школе середины 60-х годов XIX века, он отмечал: «Отсутствие далекой центральной регламентации и разных чуждых инспекций, действующих налетом, давало возможность и преподавателям проявлять свой личный почин и свой талант на пользу учебного заведения, результатом чего являлась бодрая, а не рабья работа»³⁸. Именно муштра и мелочная регламентация, как показывает анализ отчетов ревизоров, явились одной из причин бунта в духовных школах. Недовольство такой регламентацией стало основным посылом для написания мемуаров Цезаревским.

Итак, отчеты ревизора являлись документом, который отражал официальную позицию Синода на повседневную жизнь духовно-учебных заведений. Последовательный анализ данных материалов позволяет проследить динамику жизни учебного заведения в пределах 3–5 лет. Поскольку отчеты составлялись по специальному плану, то они содержали стандартизированную информацию, что дает большое поле для сравнительного анализа, как относительно истории отдельной семинарии или епархиального училища, так и для сравнения истории нескольких учебных заведений. Очень много интересных сведений содержат отчеты ревизора, которые назначались в результате беспорядков в духовных семинариях. Однако при обращении к данным документам необходимо учитывать определенную их субъективность.

Тем не менее рассматриваемые материалы бесценны для прочтения источников личного происхождения. Они позволяют ликвидировать некоторые лакуны, которые сознательно или бессознательно были оставлены авторами мемуаров, уточнить ряд сведений. Сопоставление двух этих источников позволяет в какой-то мере преодолеть проблему искажения сведений в обоих видах документов.

Отчеты ревизоров позволяют понять механизм управления духовно-учебными заведениями, выделить наиболее значимые и важные позиции для функционирования семинарии с позиции чиновника Синода. Эти документы очень ярко показывают, что тексты мемуаров в начале XX века создавались не просто так. Бывшим семинаристам память «подсказывала» наиболее актуальные картины их семинарской «бурсы». Таковыми были вопросы повседневного содержания воспитанников, к которым руководство епархий и Синода порой относилось очень пренебрежительно. Не менее важной для осмысления была проблема преодоления сословной замкнутости духовных семинарий, реализация семинаристов в различных сферах общественной жизни. Сопоставление текстов источников личного происхождения и отчетов ревизоров дает возможность увидеть противоречия между потребностями самих семинаристов и нежеланием руководства епархий и Синода реагировать на нужды времени. Тексты отчетов показывают, что порой позиция руководства отдельных епархий была даже более консервативна, чем Учебного комитета, что значительно усугубляло проявление кризиса духовной школы в конкретных учебных заведениях. При этом обращение к тексту мемуаров позволяет увидеть более рельефно конкретные грани этого кризиса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борзаковский, П. В бурсе семинарии (из воспоминаний) [Текст]. – Киев, 1903.
2. Бочков, В. Заичневский в Костроме [Текст] // Северная правда. – 1960, 5 авг. – С. 3.
3. Галабутский, Ю.А. Из воспоминаний о духовной школе 70-х годов [Текст]. – Киев, 1902.
4. Духовные семинарии и училища [Текст] // Церковно-общественный вестник. – 1875. – № 7, 15 янв. – С. 1.

³⁷ Борзаковский П. В бурсе семинарии ... С. 45.

³⁸ Цезаревский П.В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания. // Звонарь. 1907. № 8, авг. С. 105.

5. Из воспоминаний о семинарии [Текст] // Костромские епархиальные ведомости. – 1906. – № 21, ч. неофиц. – С. 835–843.
6. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / А.К. Соколов [и др.]. – М., 2004.
7. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории [Текст] : учеб. пособие для гуманитар. специальностей / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М., 1998.
8. Магнитский, М. Годы и люди [Текст] // Северная правда. – 1965, 10 апр. – С. 3.
9. С-к-й [Сердобольский, А.П.] Из воспоминаний Воронежского семинариста 1859 до 1865 г. [Текст] // Воронежские епархиальные ведомости. – 1899. – № 16, ч. неофиц. – С. 648–653, № 17, ч. неофиц. – С. 683–702, № 19, ч. неофиц. – С. 763–782 ; 1900. – № 5, ч. неофиц. – С. 195–210, № 6, ч. неофиц. – С. 238–249, № 16, ч. неофиц. – С. 685–697, № 17, ч. неофиц. – С. 740–751.
10. Цезаревский, П.В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания [Текст] // Звонарь. – 1906. – № 1, апр. – С. 247–281, № 2/3, май/июнь. – С. 272–294, № 4, июль. – С. 243–262, № 5, авг. – С. 253–262, № 6, сент. – С. 268–286 ; 1907. – № 7, июль. – С. 48–69 (паг. 2-я), № 8, авг. – С. 90–107.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 802. – Оп. 9, 10, 11.

REFERENCES

1. Borzakovskij, P. V burse seminarii (iz vospominanij) [Text]. – Kiev, 1903.
2. Bochkov, V. Zaichnevskij v Kostrome [Text] // Severnaya pravda. – 1960, 5 avg. – S. 3.
3. Galabutskij, Yu.A. Iz vospominanij o duhovnoj shkole 70-h godov [Text]. – Kiev, 1902.
4. Duhovnye seminarii i uchilishcha [Text] // Cerkovno-obshchestvennyj vestnik. – 1875. – N 7, 15 yanv. – S. 1.
5. Iz vospominanij o seminarii [Text] // Kostromskie eparhial'nye vedomosti. – 1906. – N 21, ch. neofic. – S. 835–843.
6. Istochnikovedenie novejshej istorii Rossii: teoriya, metodologiya, praktika [Text] : ucheb. posobie dlya studentov vuzov / A.K. Sokolov [i dr.]. – M., 2004.
7. Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii [Text] : ucheb. posobie dlya gumanitar. special'noresursstej / I.N. Danilevskij, V.V. Kabanov, O.M. Medushevskaya, M.F. Rumyanceva. – M., 1998.
8. Magnitskij, M. Gody i lyudi [Text] // Severnaya pravda. – 1965, 10 apr. – S. 3.
9. S-k-j [Serdobol'skij, A.P.] Iz vospominanij Voronezhskogo seminarista 1859 do 1865 g. [Text] // Voronezhskie eparhial'nye vedomosti. – 1899. – N 16, ch. neofic. – S. 648–653, N 17, ch. neofic. – S. 683–702, N 19, ch. neofic. – S. 763–782 ; 1900. – N 5, ch. neofic. – S. 195–210, N 6, ch. neofic. – S. 238–249, N 16, ch. neofic. – S. 685–697, N 17, ch. neofic. – S. 740–751.
10. Cezarevskij, P.V. Shestidesyatye gody v duhovnoj seminarii. Vospominaniya [Text] // Zvonar'. – 1906. – N 1, apr. – S. 247–281, N 2/3, maj/iyun'. – S. 272–294, N 4, iyul'. – S. 243–262, N 5, avg. – S. 253–262, N 6, sent. – S. 268–286 ; 1907. – N 7, iyul'. – S. 48–69 (pag. 2-ya), N 8, avg. – S. 90–107.
11. Rossiiskii gosydarstvennii istoricheskii arhiv (RGIA). – F. 802. – Op. 9, 10, 11.

O.D. Popova

AUDIT REPORTS ON RELIGIOUS EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS AS A HISTORICAL SOURCE AND THEIR ROLE IN UNDERSTANDING SEMINARY STUDENTS' MEMOIRS

The article treats audit reports on religious educational establishments as a historical source. The article analyzes audit reports, which were regularly written by members of the Holy Synod, and memoirs written by former seminary students. An audit report was an unattainable part of an audit of a religious educational establishment. The analysis of audit reports reveals the structure of these documents, their peculiar features, their information density and information value, information processing procedures. The author maintains that audit reports analysis enables a researcher to better understand seminary students' memoirs. A comparative analysis of audit reports and seminary students' memoirs eliminates subjectivity, elucidates details and facts, and secures a better understanding of motives which prompted seminary students to write their memoirs. The article uncovers problems of religious educational institutions which were registered in audit reports and were discussed in former seminary students' memoirs. The author maintains that former seminary students depicted the most acute issues and problems of their seminary life. The analysis of seminary students' memoirs shows that many students were critical of seminary laws, which overshadowed their impression of religious education in general.

Religious educational establishments, source credibility, audit reports, everyday life, religious education reforms.